

Глава первая

— Представь, что я Макс Беркли, — сказала Джо. — Я только что взяла для тебя выпивку. И подхожу к тебе, чтобы запросто, без давления, поболтать, как принято на вечеринках.

Чтобы усилить эффект, она зашагала ко мне по балкону вразвалку, словно надев кожаные штаны с дыркой в промежности и держа чашку кофе вместо стаканчика дешевого белого вина.

— Кто это у нас тут, неужели милая Эми Уайлд, пиковая дама из Челси? — Ей очень здорово удался расслабленно-самоуверенный мажорный тон Макса. — Как оно ничего, Эми? Ха-ха.

И она подкрепила все это, подмигнув мне в точности как Макс, после чего, как и следовало по ходу репетиции, сделала паузу, дав мне возможность ответить. В моем мозгу, как по команде, не осталось никаких мыслей, лишь слабое фоновое жужжание статической паники и мрачное предчувствие того, что я сейчас брякну глупость. Как всегда и случалось. Вот почему почти все вечеринки я проводила на кухне, среди булочек с сосисками.

Я внутренне застонала. Еще ведь даже не началась вечеринка! И мы не в *комнате*. И у Джо нет приводящего в замешательство римского носа Макса Беркли, оправдываться мне нечем. Эта вечеринка должна была стать третьей в ряду тех, на которых Джо пыталась свести меня с Максом, причем оба предыдущих раза знаменитый нос Беркли лишал меня способности связно мыслить. Предполагалось, что нос «доказывает» некоторое незаконное родство Макса с герцогом Веллингтоном, но мой мозг отказывался видеть хоть что-то, кроме мажора в красных штанах. И мне едва не пришлось зажимать себе рот, чтобы не произнести это вслух, что, согласитесь, вряд ли стало бы прелюдией к нормальному разговору.

Я глубоко вздохнула и попыталась вспомнить те нейтральные реплики, которые мы с ней уже отработали.

Были некоторые преимущества в том, чтобы снимать квартиру вместе с девушкой, для которой первая буква «и» в слове

«вечеринки» означает «искусство», а вторая — «изобретательность». Вторая «и» включала в себя дынно-водочное мороженое и тайное сводничество, но в последний год Джо сосредоточила свои силы на том, чтобы излечить меня от болезни, которую сама же и диагностировала, назвав «вечериночным параличом».

— Эмм...

— Нет! — Джо прекратила имитировать Макса и ткнула в меня пальцем. — Вот в этом твоя вечная ошибка. Прекрати думать о том, что тебе «стоило бы» сказать, позволь разговору просто *течь*. — Свободной рукой она сделала грациозный жест. — Пусть легкая светская болтовня о погоде, о стрельбе, о подарках на Рождество несет вас, пока не найдется взаимно интересная тема...

— Джо, в который раз тебе говорю: я из Йоркшира, — прервала ее я. — В Йоркшире *не бывает* светской болтовни. И *вообще* никакой не бывает, если есть возможность молчать. Когда наши мужчины играют в крикет, почтительная тишина соблюдается как игроками, так и зрителями, а наши женщины ведут беседы разве что бровями и движением плеч. «Сомневаешься — молчи». Фактически это девиз Йоркшира.

— Но как вы тогда *знакомитесь*? — в ужасе воскликнула Джо.

Факт, что можно не разговаривать больше десяти секунд подряд, находился за гранью ее понимания: дома она постоянно болтала по телефону, даже *в ванной*, обычно с кем-то по имени Тилли, Милли или Лили. Иногда Билли.

— Мы приезжаем для этого в Лондон. А теперь можно мне получить свой кофе, пожалуйста? — спросила я, протягивая руку. Я с девяти утра вскапывала клумбы, и кофеин мне был просто необходим.

Джо подняла чашку над головой, чтобы я не могла до нее дотянуться, и многозначительно воздела брови, так что пришлось вздохнуть и выдать реплику, которую она хотела от меня услышать:

— Цвету и пахну, Макс, спасибо, что спросил.

Джо с гордой улыбкой протянула мне капучино.

— Вот видишь? Ты уже шутишь. Достаточно найти свой конек.

— Я его уже нашла. Он называется «стоять на кухне и спрашивать людей, какой напиток они предпочитают». Много лет идеально срабатывает.

— Ну уж нет, *хватит* прятаться там с пирожками и салфетками. Я хочу увидеть тебя в действии. Хочу, чтобы ты веселилась.

Знакомилась с людьми. Показала им тот свет, который обычно скрываешь под мешком.

— То есть им и мешок показать?

Джо проигнорировала фразу, перескочив к следующей теме, пока я размешивала сахар в кофе.

— К слову, тебе нужна помощь с выбором костюма? Тема «Рай и Ад» хороша тем, что все могут надеть нечто экстравагантное или даже *дерзкое*...

— Да, я об этом уже думала, — быстро сказала я. — Почему бы мне не прийти в костюме мима? Они *чертовски* зловещие. А Тед еще говорил, что мы с ним можем надеть костюм лошади, тогда тебе не придется волноваться, что *кто-то* из нас отсидится в углу. Разговоры мы оба могли бы вести только глазами. Или кивая нашей лошадиной головой.

Джо прислонилась спиной к балконным перилам (опасный фокус в нескольких сотнях метров над Челси, учитывая пренебрежительное отношение хозяина балкона к ремонту) и глубоко вдохнула через нос. Последнее было необходимо для того, чтобы ей не пришлось делать паузу и переводить дыхание во время последнего монолога, что дало бы мне возможность вмешаться в поток ее слов.

— *Во-первых*, — сказала она, загибая свой палец в перчатке, — ты наравне со мной будешь хозяйкой этой вечеринки, следовательно, не сможешь провести ее, жестаи передавая: «Вот напитки» и «Пожалуйста, не надо блевать на диван». *Во-вторых*, если ты проведешь весь вечер в *костюме лошади*, с носом Теда Ботэма в твоём интересном месте, все подумают, что вы с Тедом пара, а не коллеги по работе с общим страхом перед общением с людьми. Что приводит меня к *в-третьих*: сам смысл этой вечеринки в том, чтобы ты познакомилась хотя бы с одним из тех замечательных мужчин, которых я для тебя подобрала. Так гласит твой гороскоп на этот месяц. Ты неотразима начиная с девятого января. Просто позволь Максу говорить о своей машине. Как это делаю я. Спроси его о расходе горючего, кивай каждый раз, когда слышишь слово «оборот», и все будет хорошо.

Я глазела на нее. Джо посещала вечеринки еще с тех пор, как могла пройти под коктейльным столиком, не пригибаясь. И сводничала, скорее всего, с того же нежного возраста.

Не успела я возразить, как она обхватила меня рукой за плечи и сжала.

— Эми, ты слишком хороша, чтобы тратить время, предназначенное для знакомств, утешая у холодильника плачущих пьяных девиц и всяких странных типов. Ты должна сиять! Ты замечательная собеседница. И ты меня постоянно веселишь.

— Это мой акцент тебя веселит, — возразила я.

— Нормальный у тебя акцент, — мрачно сказала Джо. — Дело в твоём странном... Я не могу понять, в чём именно.

Нас с Джо сложно представить соседками. Когда я впервые её увидела, она листала выпуск «Татлера» и потягивала минеральную воду, отчего я вначале решила, что Джо из тех гламурных выскочек, которые никогда в жизни не работали и падают в обморок при виде хлеба, — что, в принципе, показатель того, какой кошмар можно с собой сотворить. (Кстати сказать, «минеральная вода» оказалась водкой с тоником. А буханку хлеба Джо может уничтожить быстрее, чем выговорить «переизбыток углеводов».)

Но глянец и блеск были настоящими. Джо де Вере — истинная носительница генов принцессы, уж поверьте. Все в ней сияло, от длинных каштановых волос до алого педикюра, включая божественный акцент. Она знала всех — надежных строителей, ненадежных баронетов, таксидермистов, бухгалтеров, таксистов — и никогда, *никогда* не лезла за словом в карман, даже если все остальные немели от шока и стыда. Джо обладала поразительным талантом располагать к себе людей, а затем добиваться от них чего только пожелает: сама она объясняла это тем, что в детстве много переезжала из-за постоянных разводов и новых браков родителей.

Я же, с другой стороны, была новоиспеченным специалистом по садоводству из глухой йоркширской деревушки, обладательницей неровных когтей серийного убийцы в сочетании со светлой копной всклокоченных кудряшек, которой позавидовали бы тролли. Я умела неплохо шутить, но обычно только после двух-трех дней мысленных репетиций во время стрижки чужого сада.

Единственное, чем я могла похвастаться, так это тем, что моя мама пекла эклссские слойки, которые однажды на Большой Йоркширской выставке попробовала принцесса Анна («Вкусные и сочные, миссис Уайлд»). Пусть у меня и имелись планы поразить Лондон своими цветочными дизайнами для балконов, на данный

момент я была самым исполнительным и занятым мастером по стрижке газонов и живых изгородей во всем городе.

Объединяло нас с Джо, по крайней мере вначале, знакомство с Тедом Ботэмом. Мы с Тедом вместе снимали дом, пока я готовилась стать садовым дизайнером, а он изучал садовую архитектуру, но большую часть времени проводил, расхаживая вокруг с металлоискателем и раздражая тем самым местных фермеров. А кроме того, он был одним из старых друзей Джо еще со времен закрытой школы. В лето нашего выпуска Теду понадобилась помощь с заказами, которые он подыскал себе в Лондоне, а я оказалась первым кандидатом в помощницы — благодаря своему первоклассному таланту дизайнера и, что немаловажно, наличию фургона. Я была преисполнена планов начать личный бизнес, но нуждалась в работе и жилье. И вышло так, что Джо как раз в это время понадобился жилец в свободную комнату ее квартиры, расположенной неподалеку от Букингемского дворца, однако ей *очень* не хотелось, чтобы этим жильцом стал Тед, и здесь я вполне ее понимаю: мне ведь в течение года пришлось делить с ним ванную.

Несмотря на внешнее сходство Джо с Пиппой Миддлтон¹, я поняла, что мы с ней можем сойтись, когда на «собеседование» она пригласила нас с Тедом в караоке-бар своего знакомого в Баттерси. Исполнив четвертый подряд дуэт Шер в сочетании с танцевальным экспромтом, заливаясь искренними слезами от нахлынувших эмоций, я осознала, что Джо каким-то неведомым образом уговорила меня спеть на публике, чего раньше никогда не случилось, не говоря уже о танцах.

Само «собеседование» завершилось двенадцать часов спустя у нее дома, когда я приготовила классический английский завтрак, чтобы спасти нас от похмелья, а Джо сказала, что лучшего никогда не ела. (И это правда. Моя яичница — моя визитная карточка.)

Так я и прожила здесь почти два с половиной года. За это время состоялось около двадцати вечеринок, я повидала множество «подходящих мужчин» в красных штанах, с которыми так и не смогла познакомиться, приготовила десятки английских завтраков

¹ Филиппа Шарлотта Миддлтон — британская светская львица, младшая сестра Кэтрин, герцогини Кембриджской. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)